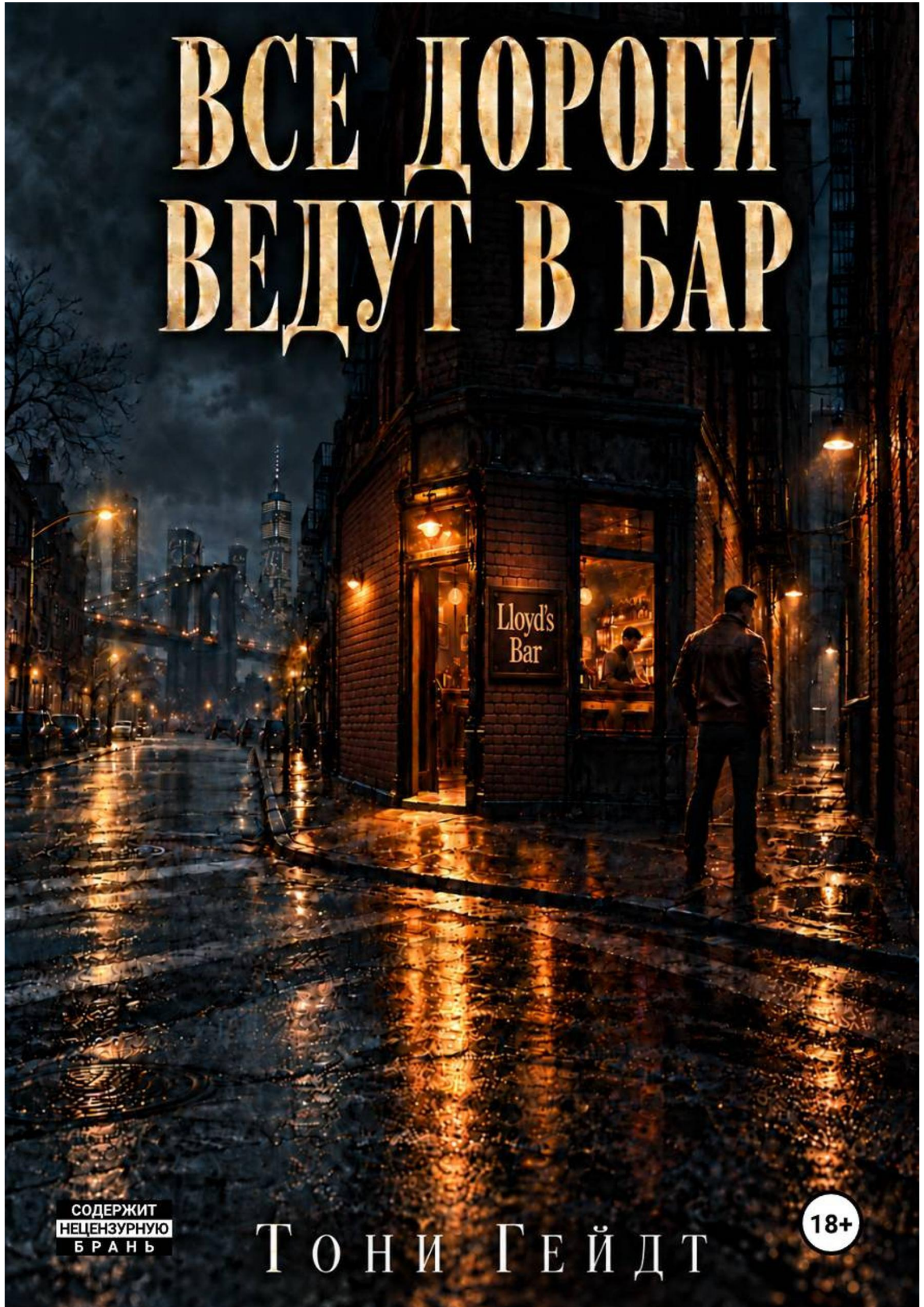

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В БАР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Т О Н И Г Е Й Д Т

18+

Тони Гейдт

Все дороги ведут в бар

«Автор»

2026

Гейдт Т.

Все дороги ведут в бар / Т. Гейдт — «Автор», 2026

В баре Ллойда можно выпить, переждать дождь и на несколько часов забыть о прошлом. Но однажды прошлое приходит за тобой. После четырёх лет в тюрьме человек, потерявший семью, возвращается к единственному месту, где ещё надеется найти ответы. Именно здесь началась ночь, которую он не может вспомнить. Именно здесь ему наливал бармен, которого, по словам хозяина, никогда не существовало. Теперь кто-то помогает ему докопаться до правды. Слишком щедро. Слишком вовремя. Чем больше он узнаёт, тем труднее понять, кто ведёт его к убийце — и зачем. Все дороги ведут в бар. Кто-то уже ждёт его за стойкой.

© Гейдт Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Тони Гейдт
Все дороги ведут в бар

Все дороги ведут в бар

Глава 1

Синг-Синг

Тюрьма строгого режима Синг-Синг

Октябрь 2008 года

В темноте камеры раздался душераздирающий вопль, а следом — глухой стук: я снова рухнул с койки на холодный пол.

Ещё не до конца проснувшись, я жадно хватал ртом воздух. Заспанный сокамерник, кряхтя, помог мне подняться.

— Что, парень, снова тот же кошмар? — спросил он.

— Ты сам догадался, Джордж, или подсказал кто? — съязвил я.

— Давай без сарказма, парень. Я всего лишь пытался проявить заботу. И не забывай, кто каждую ночь поднимает тебя с пола.

— Надо бы подстелить пару матрасов, — пошутил я. — Серьёзно, старик. Всё нормально.

Джордж привычно оглядел меня, проверяя, нет ли травм, похлопал по плечу и залез обратно под одеяло.

Мне же сон уже не светил. Я забрался на койку и снова принялся прокручивать в голове тот вечер, который изменил всё...

Октябрь 2004 года

Прошло больше полугода с тех пор, как Джин попала под машину и тихо скончалась в больнице, так и не приходя в сознание, но я до сих пор не мог смириться с её гибелью.

Горе я заливал огромным количеством виски. Арендодатель выставил меня из квартиры на Манхэттене за неуплату. Начальник тоже не стал терпеть постоянные прогулы и запои — в общем, классика жанра. В итоге пришлось просить помощи у сестры.

— Кристи, я знаю, что спустил всё, что у меня оставалось после Джин, в унитаз, но мне действительно больше некуда было идти. Оказывается, когда теряешь престижную работу, вместе с ней теряются и друзья. А из родных, кроме тебя и Сары, у меня больше никого нет, сама знаешь...

— Шон, ты мог бы и не давить на жалость. Прекрасно знаешь, что я помогу, — с улыбкой ответила Крис. — Только я очень тебя прошу: обратись за помощью. Цирроз, может, ещё не навелstil тебя, но такими темпами осталось недолго.

Я улыбнулся.

— Крис, ты же меня знаешь. Я здоров как бык. Но если ты, конечно, хочешь, пойду к анонимным алкоголикам.

— Да перестань паясничать. Тебе к психологу нужно и курс каких-нибудь антидепрессантов. Ну, может, мне стоит как следует побить тебя, для встряски.

Теперь она едва сдерживала смех.

— Послушай, Крис, — сказал я. — Я знаю, что Саре всего пять, и ей не нужно видеть своего дядю с тазиком на коленях или ползающего по полу и зовущего тётю Джин. Да и ты такое терпеть не станешь. Я обещаю, что с завтрашнего дня снова стану собой. Но сегодня я ещё раз наведуся к Ллойд.

— Да прекрати, Шон. Зачем тащиться через весь город? Можешь спокойно посидеть на втором этаже, мы с Сарой тебя не побеспокоим, или можешь сходить в бар через дорогу...

— Крис, — перебил я её, — ты же помнишь, что я познакомился с Джин у Ллойда. Там же я сделал ей предложение. И там же мы праздновали все важные события. Так что последний день в качестве алкоголика я проведу там. Похороню всё это дерьмо из прошлого на дне последней бутылки в баре Ллойда.

Крис покачала головой, но спорить не стала.

Мы пообедали, после чего Кристи убежала по делам, а я вооружился цветными карандашами и помогал Саре рисовать. Даже получил от малышки нагоняй за отсутствие таланта. Когда Крис вернулась, мы втроём смотрели телевизор и играли в чаепитие. Позже вечером, пока я ждал такси, мы с Сарой ещё немного порисовали. В половине шестого я был в машине и ехал в Бруклин.

Поездка заняла полтора часа и обошлась мне в пятьдесят пять баксов. И вот он — пережиток счастливого прошлого: бар Ллойда.

Небольшое помещение с мягким освещением, лёгким запахом лимонного полироля и чего-то копчёного. Старый бильярдный стол, восемь столиков, барная стойка во всю длину помещения. Небольшая компания подвыпивших студентов праздновала день рождения — судя по надписи на плакате, двадцать первый. Я тихо прошёл мимо. Никто не обратил на меня внимания.

— Привет, Эрни, — обратился я к бармену. — А где Ллойд?

Эрни работал у Ллойда уже несколько месяцев. Старик нанял его вскоре после смерти Джин — сначала уборщиком, а теперь тот успел дорваться до барной стойки.

— Здравствуйте, мистер МакКартман. Старику стало плохо. Попросил подменить его на сегодня.

— Жаль, Эрни. Очень жаль. А я был настроен поболтать с ним.

— Простите, что разочаровал, мистер М. Вам как всегда?

— Да, дружище. Как всегда...

Эрни нагнулся к полке под стойкой и достал бутылку *Maker's Mark* и стакан. Я потянулся за ними, придвинул к себе и налил. Эрни ушёл к весёлой компании, предоставив меня самому себе. Я сидел, пялясь на постепенно пустеющую бутылку. В голове — чистота. Никаких мыслей. Ни прошлого, ни будущего. В какой-то момент я обнаружил, что сполз со стула на пол.

«Охренеть», — подумал я. Кое-как поднявшись, я попробовал налить себе стакан из пустой бутылки. Почему-то не получилось.

— Ллойд! Старик! Обнови бутылку! — позвал я, совсем забыв, что его нет. Мне казалось, что я перекрикиваю весь бар.

— Ллойд!

Тут я почувствовал стальную хватку на плече. Повернулся, кое-как сосредоточился и увидел худое лицо Эрни.

— Мистер М, успокойтесь. Вам уже хватит, — сказал Эрни. — Давайте я вызову вам такси?

Я оглядел помещение. Студенты продолжали пить, не обращая на меня внимания. Наверное, я всё-таки говорил тише, чем мне казалось.

— Мистер М? — повторил Эрни. — Пожалуйста. Вам действительно пора.

— Сам доберусь, дружище. Не вызывай никого. Мне нужно подышать.

— Вы уверены, мистер МакКартман?

— Не переживай, Эрни, мне не впервой.

Я слез со стула и побрёл к выходу. Эрни придержал меня за плечо, потом отпустил. На улице я глубоко вдохнул холодный воздух, сделал десяток шагов... И наступила темнота.

Сам того не заметив, я очутился в Бронксе. До дома сестры оставалось около ста шагов.

Я остановился, достал пачку сигарет и несколько минут просто разглядывал её. Потом сжал в кулаке и выбросил за спину.

— Всё, — сказал я вслух. — Я обещал Крис, что с завтрашнего дня стану собой прежним.

Я взглянул на часы. Половина третьего. Завтра уже наступило.

Покачиваясь, я кое-как добрался до двери. Здесь меня пробрал ледяной холод. Что-то было не так.

Я остановился, подняв руку с ключом, и несколько секунд не решался войти. Холод полз по затылку, волосы вставали дыбом. Я не понимал, что происходит.

— Так, Шон, спокойно, — сказал я вслух. — Ты просто слишком много выпил. Крис была права. Нужно было завязывать сразу. Сегодня. Сейчас.

«Ещё и Сара меня увидит в таком состоянии». Я снова посмотрел на часы. Нет, они уже спят.

Я тихонько отпер дверь, прошёл к дивану в гостиной и, не раздеваясь, улёгся. Хотелось отключиться.

Но заснуть не удалось. Меня мучило, я ворочался и терпел до четырёх, не желая будить девчонок.

В итоге я нехотя поднялся. Меня несколько раз качнуло в разные стороны, и, смирившись с неизбежным, я снял пальто и потопал в ванную.

Перед входом меня снова качнуло, я потерял равновесие и навалился на дверь. Она распахнулась под моим весом, и я влетел лицом в кафельный пол, довольно громко выругавшись. Держась за раковину, я поднялся, нашёл выключатель на ощупь — поток белого света ослепил меня. Я согнулся над унитазом. Когда отпустило, вернулся к раковине и посмотрел в зеркало. Только бы не разбудил Сару.

Выглядел я отвратно: растрёпанные волосы, красные глаза, разбитая губа, рассечённая бровь, из которой сочилась кровь. К моему удивлению, в доме царил тишина.

Избавившись от остатков алкоголя в желудке, обработав травмы и почистив зубы, я вышел из ванной. Всё ещё стояла неестественная тишина. На шум, который я устроил, никто не прибежал. Терзаемый страхом вперемишку с чувством вины, я робко крикнул:

— Крис, я вернулся!

Мне никто не ответил. Снова повеяло холодом.

— Крис! Сара! — крикнул я громче.

Темнота и тишина дома давили. У меня перехватило дыхание. «Может, они поехали к подружке Крис? Она же знала, что я вернусь пьяный в стельку», — мелькнуло в голове. Тогда нужно сходить на кухню. Она бы оставила записку на холодильнике. Как раньше. Я включил свет и прошёл на кухню. На холодильнике магниты с животными, фотографии, список продуктов и ещё какие-то записки. Для меня никакой информации не было.

Мне стало не по себе. «Мы же живём в Нью-Йорке. Может, кто-то влез в дом?..» Я кинулся к лестнице на второй этаж.

— Сара! Кристи! — кричал я на бегу.

На площадке второго этажа я чуть не споткнулся, увидев небольшое пятно крови.

— Ч-ч-что происходит?! Сара! Сестрёнка, где вы?!

Я заглянул в комнату Крис. Кровать была заправлена, самой Крис не было. Выйдя из спальни, я подошёл к двери в детскую. Она была заперта. Я толкнул — ничего. Ещё раз — тот же результат. Со всей силы ударил в дверь ногой. Она распахнулась. Я сделал шаг внутрь... И меня проглотила тьма.

Пришёл я в себя от дикой боли: мне выворачивали руки за спиной. Послышался крик:

— Не двигайся, урод!

Щёлкнули браслеты. Меня рывком поставили на ноги. Я не мог открыть глаза из-за запекшейся крови.

— Детектив, от него перегаром на милю несёт. Может быть, ему хоть зубы почистить? Он же всю машину провоняет.

— Офицер Роджерс, хватит разговоров! В участок его.

Я не понимал, что происходит. Голова болела и от похмелья, и от удара о пол ванной. Детектив? Офицер?

— Крис! Что происходит? — крикнул я.

Тут же получил удар по рёбрам.

— Да ты, похоже, совсем псих, а? Сколько же ты выжрал, если даже не помнишь, что натворил?

Ещё удар.

— Посмотрим, как ты запоёшь, когда очухаешься...

Меня вывели из дома. Я кое-как разлепил глаза.

Вокруг собралась толпа. Увидев меня, люди что-то кричали. Слышались проклятья. Один из соседей кинул в меня бутылкой и попал прямо в голову. Мне повезло. Я отключился.

В очередной раз я пришёл в сознание в маленькой комнате, сидя за столом. Руки были пристёгнуты к нему наручниками. На них — полно засохшей крови. Напротив в стену было вмонтировано огромное зеркало.

В нём отражался бледный черноволосый здоровяк. Лицо расцвечено синяками и кровоподтёками. Белая футболка покрыта подсохшими красными пятнами. Громко хлопнула дверь за спиной.

— Я детектив Паркер, — раздался низкий холодный голос. — Назовите полное имя.

Детектив сел напротив.

Я непонимающе на него смотрел. Он вздохнул и сказал:

— Вас осмотрели врачи. Сейчас мне нужно понять, способны ли вы отвечать на вопросы. Как вас зовут?

— Шон Майкл МакКартман, — на автомате сказал я, всё ещё не понимая, что происходит.

Он объяснил мои права. Слова про адвоката и возможность молчать дошли до меня, но я ухватился за другое: если расскажу всё как было, они разберутся. Я согласился говорить. Позже мой защитник не раз возвращался к этому решению.

— Сколько вам полных лет?

— Тридцать.

Детектив записал что-то в блокнот. Я посмотрел в зеркало. Второй коп стоял за моей спиной, сверля взглядом мой затылок.

— Что происходит, детектив? — спросил я. — Почему я здесь?

Коп за моей спиной гневно фыркнул и сделал шаг ко мне. Паркер пристально посмотрел на него — он отступил назад, потом Паркер снова перевёл взгляд на меня и сказал:

— Шон, расскажи подробно, что ты делал вчера в течение дня.

Я по-прежнему ничего не понимал, но решил, что лучше рассказать этому парню всё.

— Вчера я приехал к сестре...

— Имя сестры?

— Кристи Линн МакКартман.

Детектив опять что-то записал.

— Где её муж? — спросил Паркер.

— У неё нет мужа, детектив. Сара — внебрачная дочь. Её отец ушёл до рождения ребёнка. Кристи дала ей нашу фамилию.

— Ясно. Дальше, — сказал Паркер.

— Я приехал к сестре в десять часов утра. Мой арендодатель выставил меня из квартиры из-за моих денежных затруднений и проблем с алкоголем.

— Почему у тебя были проблемы с алкоголем?

— Моя жена, Джин, попала под колёса пьяного водителя и умерла в больнице, не приходя в себя...

— Какая ирония, — сказал коп за моей спиной.

Я промолчал, стиснув кулаки.

Я понял: что бы тут ни происходило, дела мои плохи.

— Дальше, — снова сказал Паркер.

— Я приехал к сестре просить помощи с жильём, пока не встану на ноги. Она сказала, что всегда мне поможет. Я пообещал ей завязать с алкоголем на следующий день.

— Почему на следующий? — спросил детектив.

— Я хотел последний раз сходить в бар к Ллойд. Это было наше с женой место.

— И что, ты действительно там был?

— Конечно. Я уехал в половине шестого вечера. Поездка заняла полтора часа. Я заплатил пятьдесят пять баксов.

— По карте?

— Нет. Отдал наличкой.

— Кто-то видел, что ты там был?

Я подумал про компанию студентов. Они вообще не обращали на меня внимания. И понял, что остался только один вариант.

— Бармен Эрни. Ллойд стало плохо, и Эрни его подменял. Он дал мне сразу бутылку и ушёл к другим посетителям. Была компания студентов, но я их не знаю и вряд ли они меня вообще видели.

— Ладно, Шон. Что, по-твоему, было дальше?

Такая формулировка вопроса заставила меня напрячься. «Да что, вашу мать, тут происходит?!» Я ответил:

— Я помню, что Эрни предложил вызвать такси. Я отказался: хотел подышать, немного пройтись, протрезветь...

— Из Бруклина до Бронкса? Пешком? — не выдержал второй коп.

— Нет, я просто хотел подышать. А потом, не помню, как именно добрался, детектив, — ответил я.

И это было чистой правдой.

— Во сколько ты зашёл в дом?

— В половине третьего ночи.

— И что было дальше?

— Мне было плохо. Я никак не мог заснуть. Проворочался до четырёх утра, потом пошёл в ванную. Так как я был всё ещё пьян, я упал на пол и разбил лицо. Кое-как привёл себя в порядок — и всё. Потом обратил внимание, что в доме слишком тихо, несмотря на шум, и пошёл искать сестру и племянницу. Дальше ничего не помню.

Детективы пристально разглядывали меня. Я пытался вспомнить, что именно произошло. Тут второй коп подал голос:

— Ты любишь холодное оружие, Шон?

Я непонимающе уставился на него.

— Нет, детектив.

Паркер снова остановил его взглядом и сказал:

— Знаешь, Шон, мы опросили соседей. Несколько человек подтвердили, что ты приехал утром. Но вот за весь остальной день никто не видел ни машины такси, ни того, чтобы ты куда-то выходил. В карманах твоей одежды мы нашли кредитки и ни одного пенни. А операций по кредиткам не было уже три дня. Последняя оплата действительно была в баре Ллойда в Бруклине.

Он сделал паузу.

— Мы наведались к нему. И ты не поверишь — вчера работал Ллойд. Он тебя в баре не видел. Других работников у него нет.

Паркер наклонился ко мне.

— Никакого Эрни, Шон.

Он ещё раз оглядел меня с ног до головы.

— История, конечно, неплохо придумана. Жаль, что ложь от начала и до конца.

Паркер бросил на стол папку с фотографиями. Сперва я даже не притронулся к ней.

— Мистер МакКартман, вас нашли без сознания в доме вашей сестры Кристи МакКартман. Входная дверь не взломана. Дверь чёрного хода — тоже. Дверь детской выбита мощным ударом. Вы лежали на полу комнаты в огромной луже крови, с большим ножом военного образца — Ка-Бар — в правой руке. Там же были найдены трупы молодой женщины и её пятилетней дочери...

У меня всё поплыло перед глазами. Голос Паркера звучал глухо, будто из бочки. Дрожащими руками я подтянул к себе папку с фотографиями и открыл её. От того, что я увидел, меня скрутило. Я согнулся над столом, давясь рвотными позывами, но желудок был пуст.

Моя бедная сестрёнка Кристи лежала с неестественно вывернутыми руками и ногами. Горло перерезано почти до кости. Глаз нет. Вместо них — две монеты. А малютка Сара... Она улыбалась, будто во сне. Только на пижаме, в районе груди, расплылось огромное красно-коричневое пятно.

— НЕТ! ЭТО БЫЛ НЕ Я!

Я чуть не порвал голосовые связки.

— ВЫ ГРЁБАНЫЕ УБЛЮДКИ! КАК Я МОГ СДЕЛАТЬ ТАКОЕ СО СВОИМИ РОДНЫМИ?! НЕТ!

Голос сел окончательно.

— Вы должны искать настоящего убийцу... — прохрипел я. — Нет... Нет... Нет...

Я закрыл лицо руками.

— О боже, Крис... Сара... Кто с вами это сделал?

Копы переглянулись. Паркер сказал:

— Шон Майкл МакКартман, вы арестованы и обвиняетесь в убийстве вашей сестры Кристи Линн МакКартман и её дочери Сары Грейс МакКартман. В связи с вашими финансовыми трудностями адвокат будет предоставлен государством.

Адвоката мне назначили на первом заседании. Он назвал своё имя, пожал руку и сразу предупредил:

— Со мной можете говорить обо всём. С полицией — только в моём присутствии. Если кто-то предложит побеседовать без протокола, откажитесь.

Он был лет сорока, с редкими волосами и потёртым портфелем. Пока мы ждали, когда меня вызовут, он записывал мои ответы на обороте какого-то бланка.

— Вину признаёте?

— Нет.

— Хорошо. Так и скажете судье.

Я посмотрел на него.

— Ну хоть вы-то мне верите?

Он перестал писать.

— Я пока знаю только то, что прочитал в обвинении. Теперь буду разбираться.

Меня оставили под стражей.

Глава 2

Джордж Донован

Назначенный защитник работал добросовестно. Проверял мой рассказ, спорил с обвинением, искал свидетелей. Мне хотелось, чтобы этого оказалось достаточно.

Следующие месяцы прошли между камерой и встречами с адвокатом. Опросы, запросы, поиски записей с уличных камер вдоль моего предполагаемого маршрута от бара до дома. Поиск студентов, повторный разговор с Ллойдом. Старик отрицал, что в тот вечер была компания с днём рождения. Имен посетителей я не знал, и найти их тогда не удалось.

Этот человек даже смог найти мой заказ в службе такси — однако водитель не вспомнил ни меня, ни того, что возил кого-то в Бруклин к бару Ллойда. Сведений по карте не было — а наличку не отследить.

Несмотря на всю проделанную работу и некоторые несостыковки в моём деле, со временем я стал замечать, что даже адвокат начинает сомневаться в моей невиновности.

Обвинитель на суде рассказывал о человеке, который потерял жену, друзей, работу и жильё. Пил, злился, отказывался от помощи. Потеряв всё, пришёл к сестре, а вечером убил её и маленького ребёнка.

На столе перед присяжными появлялись заключения экспертов, нож в прозрачной упаковке. Полицейский, который надел на меня наручники, рассказывал, что после анонимного звонка в полицию они с напарником ворвались в дом — меня нашли в луже крови с ножом в руках. Звонившего отыскать не удалось. Врач объяснял, от чего умерли Кристи и Сара, и показывал присяжным фотографии. Я сидел рядом с адвокатом и старался не смотреть на снимки. Ни один свидетель не смог подтвердить, что я был в баре в нужное время. Присяжные смотрели на меня с отвращением...

Присяжные признали меня виновным в обоих убийствах. Позже судья назначил пожизненное заключение без права на досрочное освобождение. Меня отправили в Синг-Синг. Я был раздавлен.

В камере меня встретил Джордж Донован — суровый пятидесятирёхлетний мужик, осуждённый за убийство любовника своей жены. В первый же вечер он вытащил меня из петли.

После этого меня держали под наблюдением. Когда вернули в камеру, я выждал несколько дней и снова попытался покончить с собой. Джордж поднял тревогу; охрана успела вызвать помощь.

Со мной Джордж оказался внимательным и терпеливым. Я не знал, каким он был до тюрьмы, и не пытался оправдывать его преступление. Но когда меня снова вернули из медицинского блока, он подошёл и сказал:

— Пошли, парень. Нужно поговорить.

— Знаешь, пацан, — сказал Джордж, затягиваясь вонючей самокруткой в тюремном дворе, — когда-то здесь казнили очень многих ребят. И виновных, и невиновных. И каждый из них мечтал пожить ещё немного. А потом ещё.

Он затаился.

— И вот появляешься ты, считающий себя невиновным, и тут же лезешь из кожи вон, чтобы расстаться с жизнью...

— Джордж...

— Тихо, парень. Я ещё не закончил.

Он посмотрел на меня.

— Я не знаю, что произошло у тебя дома, — продолжил он. — Но вижу, что ты сам себе приговор уже вынес. А суд мог ошибиться.

— Ты мне веришь?

— Я тебя слушаю. Это не одно и то же.

Он затаился и посмотрел на меня.

— Допустим, всё было так, как ты говоришь. Тогда убийца живёт на свободе и радуется, что ты гниёшь здесь. А ты хочешь помочь ему закончить дело?

Я отвернулся.

— Не лезь в петлю, парень. Читай, тренируйся, пиши адвокату. Пока жив — остаётся шанс. Пожизненное не делает суд непогрешимым.

— И сколько ждать?

— Не знаю. Но мёртвым ждать уже нечего.

Докурив и вышвырнув окурок, он посмотрел мне в глаза.

— Твоя семья, парень, пусть и не в мире живых, всё равно рядом с тобой. И поверь — им точно не нужна встреча раньше времени.

Он помолчал.

— Что ты им скажешь? «Вас убили, и я как сопливая девчонка побежал вдогонку за вами»? Ну нет, дружище. Я думаю, такого финала ты точно не хочешь...

Я не изменился после одного разговора. Несколько дней почти не говорил с Джорджем, потом попросил книгу. Он принёс две и шахматы.

Однажды перед сном я представил Сару. Она улыбалась, как в тот день за столом с карандашами.

— Дядя Шон, мы ещё поиграем. А пока подождём.

Я понимал, что сам придумал эти слова. Всё равно повторял их, когда снова хотелось сдаться.

Я начал ходить в библиотеку. По вечерам Джордж учил меня играть в шахматы. Несколько месяцев я проигрывал ему без единого исключения.

Помимо шахмат, Джордж — в прошлом морпех — стал учить меня основам рукопашного боя. Раньше я занимался боксом, поэтому схватывал быстро. Он учил забывать о правилах ринга и показывал, как защищаться в тесной камере. Учил не бояться бить в пах и кусаться, если выпадет шанс. Дни складывались в месяцы. Ничего вокруг меня не менялось.

Я читал, занимался в тюремном дворе и по вечерам в камере. Участвовал в стычках с другими заключёнными, получал удары от охраны, драил туалеты, работал на кухне — да и везде, куда назначат. И каждую ночь просыпался от кошмаров.

Во сне Сара на фотографии открывала глаза и с улыбкой спрашивала:

— Дядя Шон, почему ты бросил нас? Почему не защитил?

После этого Крис на сломанных конечностях начинала ползти ко мне, а монеты в её глазницах нагревались до красноты. И всё тот же смутно знакомый голос говорил:

— Я хотел поиграть с тобой... Пришлось развлечься с ними.

Глава 3

Новый свидетель

Как-то раз, в конце апреля 2008 года, я работал в прачечной. Кто-то положил мне руку на плечо. Я резко обернулся и увидел надзирателя — молодого парня по имени Джеймс Хайт. Он без предупреждения ударил меня дубинкой в солнечное сплетение. Я успел вскинуть руки, смягчив удар.

Потом я был готов поклясться: его глаза на секунду вспыхнули раскалённым металлом, как глаза Крис в моих кошмарах. Я отбежал в сторону и встал в стойку, ожидая очередного удара. Болели рёбра и руки — именно туда пришёлся удар дубинкой.

Хайт произнёс:

— Ну что же ты, Шон? Не убегай. Давай поиграем.

С безумной улыбкой он медленно пошёл ко мне. Я в полном недоумении смотрел на этого парня. Маленький и щуплый. Обычно самый добрый из смены.

После нескольких лет без алкоголя и ежедневных тренировок меня, при росте в шесть футов пять дюймов, побаивались ребята куда крупнее и опаснее малыша Джимми. А он без тени страха медленно подходил и улыбался. Он откинул дубинку в сторону. «Глупо с его стороны», — подумал я.

И тут Хайт с нечеловеческой скоростью кинулся ко мне.

Я даже не успел перенести вес для чёткого удара, когда малыш Джимми открытой ладонью просто ткнул меня в грудь. Сперва я услышал, как хрустнули кости. Потом пришла дикая боль. Джимми с широкой улыбкой стоял и смотрел, как я корчусь на полу.

В коридоре послышались голоса. Джимми оторвал от меня взгляд, прислушался и сказал:

— Прости, Шон. Закончим нашу игру в следующий раз.

Он развернулся, поднял дубинку и спокойно вышел из прачечной. Меня же через час нашли знакомые ребята и отвели в медицинский блок. Я сказал, что упал на металлический стол во время работы. Я боялся жаловаться на охранника: следующее нападение могло закончиться хуже. Вечером я рассказал Джорджу о том, что произошло. Он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Шон... Джимми больше недели здесь нет. Я слышал, он перешёл на работу в другую тюрьму.

— Джордж, я клянусь — он был там. Меня уделал именно Джеймс Хайт. Я его точно ни с кем не перепутаю.

Джордж ещё раз осмотрел меня, видимо, не нашёл того, что искал, и просто сказал:

— Ладно, парень. Ложись. Хайт это был или нет — он ушёл. Отдыхай. Рёбра срастаются долго.

Я открыл рот, собираясь рассказать о красном свечении в глазах Хайта, но тут же осознал, насколько нелепо буду выглядеть для единственного человека, который верит в мою невиновность. Хотя он и так считал меня психом.

В июне мне исполнилось тридцать четыре.

Больше я не видел малыша Джимми или кого-то с красными, светящимися, словно раскалённый металл, глазами. Потихоньку сам начал верить в то, что просто неудачно упал во время работы. Всё пошло своим чередом. Наступила осень. Пришёл октябрь. Прошло ровно четыре года с той трагедии.

Джордж опять поднимал меня с пола после очередного кошмара. Я же снова прокручивал в голове всё, что произошло с момента поездки в бар. Начало светать. Джордж, уснувший после того, как помог мне, пошевелился под одеялом и сказал:

— Что-то меняется, пацан. Сегодня странный день.
И снова уснул.

Я настороженно посмотрел на него.

Джордж обычно смеялся над предчувствиями. Я решил, что он просто увидел яркий сон.

В час дня я, как обычно, сидел в библиотеке и читал Марио Пьюзо — «Крёстный отец», когда подошёл надзиратель Салливан.

— МакКартман, к тебе адвокат.

Меня как громом поразило.

— Ко мне?

— Нет, к Пьюзо. — Он кивнул на книгу. — Чего расселся? Тебя адвокат ждёт, говорю. Больше повторять не буду!

Я тут же сорвался с места и следом за Салливаном пошёл навстречу неизвестному.

Я вошёл в комнату для свиданий. Мой посетитель уже ждал меня с папкой и переносным DVD-проигрывателем. Я присел за стол и внимательно осмотрел своего нового адвоката.

Это была высокая стройная блондинка немного за тридцать. На бледном лице выделялись холодные голубые глаза. Даже без косметики она выглядела эффектно. Мне захотелось пригладить волосы. Но вот взгляд... Будто видит тебя насквозь.

— Здравствуйте, мистер МакКартман. Я Анна Стоун, ваш представитель от фирмы Whitmore, Hale & Stone, LLP, — представилась она. — У нас появились материалы, которые могут стать основанием для пересмотра вашего дела...

— Материалы? — перебил я её в полном недоумении. — Что за материалы?

Она слабо улыбнулась.

— Один из студентов, праздновавших день рождения в том баре, недавно наткнулся на статью о вашем деле. Помните заключение экспертов? Кристи и Сара погибли между восемью и десятью вечера. Подтвердить ваше алиби тогда не удалось. А нож, кровь и состояние, в котором вас нашли, убедили присяжных.

Она сделала паузу.

— Обвинение считало, что вы убили их вечером, а поездку в бар придумали. Провалы в памяти объясняли попыткой уйти от ответа. Теперь у нас есть запись.

Анна взяла проигрыватель.

— У студента Джона Мосса сохранились записи того дня. Он узнал вас на своей съёмке и связался с защитником, который вёл ваше дело. Тот передал материалы нам: для нового разбирательства нужны люди и средства, у нас они есть. Ваш прежний адвокат не бросил дело.

Она улыбнулась.

— Мы взяли за дело после предварительного просмотра. В нём есть то, чего не хватало на первом процессе: подтверждение вашего местонахождения. Если добьёмся пересмотра, отдельно обсудим компенсацию за заключение.

— И сколько я должен вам заплатить?

— За защиту сейчас — ничего. Условия последующей работы оформим отдельно. Вам не придётся платить за «видимость» расследования.

— Кажется, для вашей фирмы это будет отличной рекламой.

— В этом вы правы. — Мне понравилось, что она не стала отпираться.

С начала разговора я пытался выглядеть спокойным. Но меня бросило в жар. Свобода?

Я попытался унять волнение, но от дрожи в руках затрясся весь стол. Сохранять спокойствие больше не получалось. Из глаз потекли слёзы.

— О боже... Вы говорите серьёзно? Пожалуйста, пусть это не будет чьей-то жестокой шуткой!

Стоун снова улыбнулась и включила проигрыватель. На видео была та самая компания студентов. А на заднем плане...

— О боже... — повторил я.

На заднем плане прошёл и, никем не замеченный, сел за стойку черноволосый, похожий на медведя здоровяк с небольшим пузом. Его звали Шон МакКартман. Но что-то было не так. Пока что я жадно смотрел запись и не мог понять, что именно. Стоун немного перемотала вперёд.

На видео я наклонился к стойке и потянулся за бутылкой и стаканом. Достал. Видео оборвалось.

— Это всё, что есть? — взволнованно спросил я. — Этого же крайне мало.

— Есть и другие фрагменты, Шон. Студент снимал отдельные моменты с перерывами в десять-пятнадцать минут. Вы всё это время оставались у стойки. Вы начали пить в семь часов четыре минуты — начало вечера.

Она снова взяла проигрыватель.

— А здесь вы падаете со стула. В последнем фрагменте уходите. Время ухода десять часов семнадцать минут.

— Дату и время нам ещё предстоит подтвердить. Нужны оригинальные файлы, камера и показания владельца. Освобождение пока обещать не буду, но основания серьёзные.

Анна посмотрела на меня.

— Между восемью и десятью вы несколько раз попадаете в кадр. За перерыв между съёмками невозможно было добраться из Бруклина до дома сестры, совершить убийства и вернуться. Это около двадцати миль в одну сторону.

Она улыбнулась.

— Это ещё не решение суда. Но теперь мы можем бороться.

— Анна, я даже не знаю, что сказать. Спасибо вам. Огромное спасибо. Вы не можете себе представить, что я сейчас чувствую.

— Благодарить пока рано, мистер МакКартман. Но я понимаю, что для вас это значит. Сначала проверим запись и подадим документы. Если всё подтвердится, у нас будет основание добиваться вашего освобождения.

Она закрыла папку.

— Я займусь вашим делом. Даже если всё получится, выйдете вы не сразу. Бюрократия есть бюрократия. Постарайтесь не попадать в неприятности — и мы вас вытащим.

Анна Стоун собрала документы, взяла проигрыватель и, попрощавшись, вышла из комнаты для встреч.

Я же, окрылённый новостями, отправился ждать освобождения в камере, в которой, как я думал, проведу всю свою жизнь. И тут до меня дошло. Ни на одном фрагменте видеозаписи не было никакого бармена Эрни...

— Ну что, парень, всё-таки выходишь?

Джордж сидел напротив, немного грустный, и я никак не мог понять: то ли он не знает, как избежать мата через несколько ходов, то ли действительно грустит из-за того, что наши четыре года в одной камере подходят к концу.

— Пока только появился шанс, старый пень. Конкретной даты я ещё не знаю. Сегодня утром думал, что останусь здесь навсегда, а теперь узнаю, что могу выйти. И начать искать того ублюдка.

Джордж довольно хмыкнул.

— Знаешь, парень, я чертовски рад, что ты можешь вырваться отсюда. Только запомни: за время, которое ты просидел здесь, на свободе многое изменилось. Да и ты изменился. И я прошу тебя только об одном — не возвращайся в тюрьму.

— Этого я обещать не могу. У меня слишком много работы на воле.

Джордж вопросительно поднял бровь.

— Что такое, парень? Какая ещё работа, помимо поисков убийцы?

— Ну, например, Эрни, — сказал я. — Видео, которое мне показала Стоун, добавило ещё больше вопросов. Понимаешь, Джордж, там я беру бутылку и стакан, а за стойкой никого. Потом запись обрывается. В другом фрагменте я уже ухожу. И никто не провожает меня.

Джордж почесал седую шевелюру.

— Слушай, пацан. Я всё думал над этой странной историей. Ты говорил, что копы сказали: Эрни не существует. На видео его нет. А что, если ты просто перепил в тот день? Ты ведь не помнишь, как добрался до дома. Потом упал и ударился головой в ванной. А судя по тому, что тебя нашли в детской, ты увидел трупы своей семьи — и у тебя капитально поехала крыша.

Я разозлился и несколько раз глубоко вдохнул, чтобы не сорваться на старика. Потом ответил:

— Знаешь, Донован, хочу напомнить: пока я не начал первую бутылку в том баре, я вообще-то был трезв. Да и Эрни начал работать у Ллойда через несколько дней после гибели моей жены. Я видел его далеко не в первый раз.

Джордж виновато поднял руки.

— Тише, парень. Тише. Не закипай. Я просто рассуждаю с точки зрения логики. Можно ещё один вопрос?

— Валяй.

Я немного остыл.

— Ты говоришь, что этот Эрни появился у Ллойда после смерти твоей жены? Так не может ли это быть следствием психологической травмы?

— Да не псих я, старик!

Злость снова начала набирать силу.

— Хорошо, парень. Как скажешь. Извини за вопросы.

Джордж улыбнулся.

— Но слушай. Ты скоро выходишь на волю, возможно, получишь деньги за отсидку, и все обвинения будут сняты. Давай хоть немного порадуемся!

— Да, Джордж. Конечно. И ты меня прости. Я буду писать, старый друг.

Через несколько недель Стоун сообщила хорошие новости. Запись проверили, приговор отменили. Обвинение отказалось от нового процесса. Оставалось дожидаться документов на освобождение — меня должны были отпустить в середине ноября.

Все мои счета разморозили. Стоун пообещала добиться компенсации от государства. В это трудно было поверить. Но, чёрт возьми, приятно представить.

На доме сестры оставался долг. Стоун выяснила, кто занимался имуществом после её смерти, и начала оформлять мои права наследования. До разрешения вопроса банк согласился приостановить продажу. Погасить задолженность я пока не мог.

Также через Стоун я договорился о помощи Джорджу после моего освобождения: передачи, деньги на тюремный счёт — всё, что разрешали правила. Пока денег почти не было, мы только записали, что я хочу сделать после освобождения. Покончив с этими делами, я с нетерпением стал ждать 16 ноября 2008 года.

15 ноября

— Ну вот и всё, Джордж, завтра я улетаю из гнезда.

У старика навернулись на глаза слёзы.

— Я верю, что ты найдёшь этого ублюдка и накажешь, — сказал он. — Только помни: не попадайся. Делай всё с умом. Контакты надёжного человека я тебе дал. Он поможет по мере возможностей.

— Спасибо, старик. Я рад, что познакомился с тобой.

— Ну ещё бы. Сомневаюсь, что кто-нибудь другой столько раз вытаскивал бы тебя.

Он улыбнулся.

Я тоже.

Некоторое время мы молчали. Потом я вспомнил кое-что.

— Послушай, я хотел у тебя спросить. В тот день, когда ко мне пришёл адвокат, ты сказал: «Что-то меняется». Откуда ты знал? Или с чего ты вообще так решил?

Джордж смотрел на меня. Потом пожал плечами.

— Знаешь, парень... наслушался я твоих историй. Про кошмары и прочую ерунду. Вот и приснилась мне твоя сестра.

Я почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось.

— Она приснилась тебе?

— Ага.

Джордж почесал подбородок.

— Лежит она передо мной переломанная, без глаз. Потом начинает ползти, как ты рассказывал. И говорит: «Всё меняется в этот странный день».

Он помолчал.

— Я спросонья и ляпнул тебе эту хрень. Не думал, что ты запомнишь.

У меня на секунду перехватило дыхание. Я ничего не ответил. Джордж заметил моё лицо, усмехнулся и хлопнул ладонью по шахматной доске.

— Ладно, парень. Давай ещё партейку, пока ты окончательно не бросил старика в одиночестве.

Я посмотрел на доску.

— Только без твоих фокусов.

— Это ты про то, как я тебя вчера размазал?

— Именно.

— Тогда готовься к новому трюку.

Я улыбнулся.

И впервые за четыре года подумал — как хорошо быть живым.

Глава 4

На свободе

16 ноября 2008 года

Этой ночью что-то изменилось.

Я открыл глаза и сперва увидел холодное серое небо над головой. Несколько раз моргнул — и небо исчезло, уступив место серому бетонному потолку тюремной камеры. Мой кошмар тоже изменился.

Впервые я не увидел Крис и Сару. Там был только я и много крови — в переулке возле бара Ллойда. Я поднялся с тюремной койки и оглядел маленькую, мрачную камеру. Что бы ни произошло в будущем, сюда я не вернусь.

Послышался резкий всхрип, и Джордж открыл глаза.

— Доброе утро, парень. — Он, зевая, поднялся с койки. — Сегодня было слишком тихо. Ты впервые не кричал и не падал. Твои кошмары наконец закончились?

— Не знаю, Джордж. Но что-то изменилось. Может, всё дело в том, что сегодня меня выпускают.

— Радуйся, пацан. Не каждому выпадает второй шанс после обвинения в двойном убийстве.

Он ещё немного посмотрел на меня, потом тяжело вздохнул.

— Шон, я понимаю, что ты хочешь сделать. Но, может, просто проживёшь тихую и свободную жизнь? Оставишь всё это в прошлом?

Он помолчал, увидев, как у меня сжались кулаки.

— Запомни старого Джорджа Донована как пример того, чем заканчивается неудачная месть. Чтобы никогда больше не вернуться в эту тюрьму. Или в какую-нибудь похуже.

Я улыбнулся и ответил:

— Посмотрим, старик, посмотрим.

Я попрощался с Джорджем, в последний раз оглядел камеру и вышел вместе с надзирателем. Перед выходом несколько раз проверили документы на освобождение и вернули мне небольшой пакет с вещами: кольцо Джин (своё я давно пропил), бумажник с несколькими фотографиями, три кредитки и пустую зажигалку Zippo. Одежда, в которой меня привезли в участок, осталась среди вещдоков. Для суда костюм брали напрокат, а к освобождению подготовили плотные синие джинсы, чёрную водолазку и коричневую кожаную куртку.

Как же приятно было скинуть тюремную робу и надеть обычную, гражданскую одежду.

И вот последние проверки позади. Несколько десятков шагов по территории и небольшая калитка, ведущая за пределы тюрьмы.

Пока за спиной не захлопнулась последняя дверь, я всё ещё не верил, что действительно выхожу. Но вот и она осталась позади.

Я на свободе. Вдохнул полной грудью холодный ноябрьский воздух. Больше никаких решёток, надзирателей, сырых бетонных комнат. Можно идти куда захочу... Перед калиткой стоял чёрный Volvo S80. За мной приехала Анна Стоун.

— Рада видеть вас на свободе, мистер МакКартман. Вас должны были отпустить немного раньше. Я здесь с девяти утра. Куда вас отвезти?

— Домой.

По дороге к дому сестры... Моему дому. Многое бросалось в глаза. Музыка в машине Стоун играла с небольшого устройства, подключённого к стереосистеме.

— Что это?

— iPod.

Я кивнул. Слышал об этих плеерах, но сам никогда ими не пользовался.

Я глазел по сторонам и видел куда-то спешащих людей с кейсами, стаканами кофе и странными белыми наушниками.

Вдруг в машине раздалась резкая мелодия, и Стоун вытащила из кармана блестящий телефон. Я невольно посмотрел на него внимательнее. На нём не было кнопок.

— Да?

Она приложила телефон к уху.

— Да, я везу клиента к дому сестры. Да, документы готовы? Отлично. Когда ждать слушание по компенсации? Хорошо, я поняла.

Я слушал её вполуха. Гораздо больше меня занимал город.

На улицах появилось ещё больше экранов, рекламных щитов и вывесок. На них мелькали названия каких-то сайтов: Facebook, MySpace, YouTube и ещё десятки незнакомых мне вещей. Всего четыре года. А мир уже успел измениться.

— Вы будто с другой планеты, — усмехнулась Стоун, заметив, как я осматривался.

— Четыре года, Анна. Я ведь понимал, что жизнь без меня не остановится. Но всё-таки тут уже новые машины, новые телефоны... Новая жизнь.

Я впервые за всё время широко улыбнулся.

— Надеюсь, хоть машины всё ещё работают на бензине.

— Вы забыли про дизель.

Несколько минут мы ехали молча. Потом Стоун спросила:

— Вы уверены, что хотите сразу ехать туда?

Я посмотрел на неё.

— Это мой единственный дом.

Стоун ничего не ответила.

Через несколько минут мы свернули с основной дороги и въехали в знакомый район. Сердце забилось быстрее. Я узнал улицу почти сразу. Вот магазин на углу. Вот старое дерево возле тротуара. Вот дом напротив, где когда-то жила старуха, постоянно ругавшаяся на детей. Рядом небольшой бар — туда Кристи пыталась отправить меня в тот день.

Ничего не изменилось. И от этого стало только хуже. Когда машина остановилась, я несколько секунд просто смотрел перед собой. Дом Крис стоял прямо передо мной. Четыре года назад я вошёл сюда пьяным. Через несколько часов из этого дома меня увезли в наручниках.

Теперь я возвращался свободным. Стоун заглушила двигатель.

— С банком удалось договориться, — сказала она. — Как вы и просили.

Я не ответил.

— Я также договорилась с ними насчёт остальных вопросов. У нас крупная фирма с хорошими связями. Юридически всё чисто. После решения суда по компенсации мы...

— Давайте потом, — перебил я её.

— Хорошо.

Я открыл дверь.

Холодный воздух ударил в лицо. Я вышел из машины и посмотрел на дом. Почему-то задержал взгляд на окне комнаты Сары. И вдруг мне стало трудно дышать. На мгновение я снова увидел кровь.

Много крови.

Серый бетон.

Чьи-то ноги.

Мою руку.

И голос.

Совсем рядом.

— Давай поиграем.

Я резко моргнул. Передо мной снова был дом. Обычный дом. Пустой. Тихий.

— Шон?

Я обернулся.

Стоун стояла возле машины.

— Всё в порядке?

— Да.

— Уверены?

— Просто вспомнил кое-что из прошлого.

Она несколько секунд смотрела на меня, потом достала из сумки связку ключей и протянула мне.

— Здесь все ключи. Оформление ещё не закончено, но жить в доме вы можете.

Я взял их.

Они показались мне неожиданно тяжёлыми. Мы подошли к двери. Я вставил ключ в замок и несколько секунд не мог повернуть его. За этой дверью четыре года назад закончилась моя прежняя жизнь. А теперь мне предстояло выяснить, что ждёт меня в новой.

Замок щёлкнул.

Я всё-таки открыл дверь.

Внутри пахло пылью и чем-то знакомым, напоминающим о Крис и Саре. Я сделал первый шаг.

— Я подожду в машине, — сказала Стоун.

— Хорошо.

Дверь за ней закрылась. Я остался один. Тишина. Такая же, как тогда. Я медленно прошёл в гостиную. Мебели почти не осталось. Большую часть вывезли на хранение или продали в счёт расходов; Стоун ещё выясняла подробности. На стене висела пустая рамка. Я остановился перед ней. Здесь когда-то была фотография Крис и Сары.

Я провёл пальцами по пыли. И вдруг вспомнил. Не Крис. Не Сару. А мужчину. Он лежал на земле. Я стоял над ним. Мои руки были в крови. Он пытался что-то сказать. Я не слышал слов. Только собственное дыхание.

А потом...

Я замер.

Воспоминание оборвалось. Я посмотрел на свои руки. Они были чистыми.

— Что же произошло, чёрт возьми?.. — тихо произнёс я.

Глава 5

Вещи Кристи

Я вышел из дома и сказал Стоун, что всё в порядке. Она попрощалась и поехала в офис. Я немного постоял на улице, хотел побыть наедине со своими мыслями, а потом осмотреть дом и оставшиеся вещи. Вернулся внутрь, прошёл на кухню.

Свет и воду по просьбе Стоун подключили перед моим возвращением. Холодильник оставался отключённым. Открывать его не хотелось: за эти годы внутри наверняка остался затхлый запах.

Зато на дверце всё ещё сохранились вещи, которые, похоже, оказались совершенно не нужны тем, кто забирал мебель. Старые фотографии. Несколько записок. Магнитики с животными. Я начал рассматривать то, что осталось.

На фотографии Крис и Сара стояли в парке. Сара держала в руках мороженое и улыбалась прямо в объектив, а Крис пыталась сделать серьёзное лицо. На другой была Джин.

Бар Ллойда.

Она сидела за стойкой и смеялась, глядя куда-то за пределы кадра. Я провёл пальцем по фотографии. На следующей был я — на выпускном. Молодой и почему-то счастливее, чем мог вспомнить. Рядом, под магнитом в виде кота, висела короткая записка.

«Не забыть купить апельсиновый сок». Я перечитал её несколько раз. Всего несколько слов. Обычная записка. Крис, наверное, написала её утром и собиралась купить сок по дороге с работы — но так и оставила записку на дверце. Я снял её с холодильника и подержал в руках. Странно. Снова огляделся. Четыре года назад здесь ещё была жизнь.

Теперь остались фотографии, пыль и старый список продуктов. Я повесил записку обратно под магнит. До этого момента мне удавалось смотреть на дом как на место, где могут остаться улики. Теперь хотелось только услышать, как Крис кричит с лестницы, чтобы я ничего не трогал в холодильнике.

После смерти Джин я не думал ни о ком и ни о чём. Я заливал горе алкоголем, жалел себя и постепенно разрушал всё, что ещё у меня оставалось. В тюрьме я много раз прокручивал это в голове.

Я мог не пить. Мог приехать к Крис раньше. Мог проводить время с Сарой. Мог хотя бы попытаться снова стать нормальным человеком. Но я выбрал бутылку. И теперь ненавидел себя за это. Глаза защипало. Я отвернулся от холодильника. По спине прошёл холод.

Знакомое чувство.

Я замер.

Это ощущение я знал. Так начинались мои кошмары. Так было и той ночью. Я быстро прошёл в ванную. Включил свет. Холодная. Тихая. Пустая. Здесь не было ни малейшего признака чужой жизни. Даже запаха. Я открыл кран и умылся холодной водой. Потом ещё раз.

Поднял голову и посмотрел в зеркало. Усталое лицо. Заросшие щёки. Тёмные круги под глазами. Но никаких красных глаз. Никаких чудовищ. Ничего.

— Успокойся, Шон.

Я выключил воду и вышел. Нужно было подняться наверх. Осмотреть комнаты. Посмотреть, что осталось от вещей Крис и Сары. Я посмотрел на лестницу. И остался стоять на месте. Почему-то мне совсем не хотелось туда идти. Я вспомнил запертую детскую и остановился у первой ступеньки. Четыре года я хотел вернуться сюда, а теперь не мог заставить себя подняться.

— Просто осмотреть вещи, Шон.

Держась за перила, я дошёл до площадки. Дверь детской была закрыта. Дверь спальни Крис — приоткрыта. Я выбрал спальню.

Вместо кровати и тумбочек там стояли коробки с надписями: «Одежда», «Кухня», «Фотоальбомы». Стоун сказала, что вещи разбирал человек, которому поручили хранение имущества. Коробки оставили в доме до решения вопроса с наследством.

Я присел перед ближайшей коробкой и снял крышку.

Я включил свет и начал вытаскивать содержимое коробок. Парфюмерия, разнообразная косметика, пальто, куртки, бижутерия — куча обычных, ничем не примечательных вещей. Я сидел на коробке со старыми газетами, листал фотоальбомы, проверял сумки и рюкзаки.

Но глаз ни за что не цеплялся. Никаких зацепок. Никаких странностей. И, что самое главное, не было даже того жуткого холода. Меня начало трясти от злости.

— Неужели здесь ничего нет?!

Я вскочил и пнул коробку, на которой сидел. Внутри зашуршала бумага. Я сорвал крышку и перевернул коробку. На пол посыпались модные журналы, газеты, письма и счета.

Я начал складывать бумаги обратно, просматривая каждую, чтобы ничего не пропустить. В одном из журналов заметил газетную вырезку. Сложенная в несколько раз, она служила закладкой. Я развернул её.

The New York Sun. Май 2004 года.

Вырезка была небольшой. В ней сообщалось, что адвоката Эллиота Хейла давно не видели на работе, коллеги подали заявление о пропаже. Полиция провела поисковые мероприятия, но ничего не обнаружила. Дело осталось открытым. Я ещё раз проверил дату: конец мая 2004 года. Я перечитал заметку ещё раз.

— Хейл...

Фамилия была знакомой. Хейл защищал Брауна — пьяного водителя, забравшего жизнь моей жены. Но при виде этой вырезки в голове возникло что-то ещё.

Почему его исчезновение так меня задело? Я не мог вспомнить ни одной нашей встречи вне суда.

Я убрал вырезку в карман и продолжил разбирать вещи. В детскую пока идти не решался. Больше ничего полезного не нашёл.

Я собрал вещи обратно в коробки и поставил их на место, где раньше стояла кровать.

Посмотрев на часы, я понял, что потратил на поиски гораздо больше времени, чем рассчитывал. На улице уже темнело. Входить ночью в детскую совсем не хотелось. Поэтому я спустился вниз.

Хорошую мебель вывезли, но старый продавленный диван, на котором я должен был спать в ночь убийства, почему-то посчитали ненужным хламом и оставили в доме. На этом диване я когда-то спал вместе с Джин, когда приезжал к сестре.

Я тяжело опустился на него и поднял тучу пыли. Несколько раз чихнув, осторожно улёгся и попытался расслабиться. Постепенно пришло осознание. Сегодня утром я ещё был в тюрьме. А сейчас вернулся в дом, который навсегда изменил мою жизнь. Я закрыл глаза.

Сам того не заметив, начал проваливаться в сон.

От стука я вскочил с дивана. В окне было солнце. Впервые за долгое время я проспал всю ночь и не помнил ни одного кошмара.

Стук повторился.

— Мистер МакКартман, это Анна Стоун. Вы дома?

Я узнал её голос и крикнул:

— Да, мисс Стоун. Секунду.

Быстро пригладив волосы, я пошёл открывать. На пороге стояла Анна с несколькими бумажными пакетами в руках.

— Мистер МакКартман, в машине есть ещё пара пакетов. Не поможете?

— Конечно.

Я выскочил из дома и подошёл к машине.

— Мисс Стоун, простите за любопытство, но что это?

Она посмотрела на меня и усмехнулась.

— Я решила, что вам необходима новая одежда и кое-какая техника.

Я удивлённо посмотрел на пакеты.

— Техника?

— Не обольщайтесь. Всё это вы мне вернёте после получения компенсации за неправомерное лишение свободы. Чеки я сохранила.

Стоун привезла мне телефон. Слава богу, с кнопками. Кроме него, в пакетах оказались ноутбук с модемом, немного полуфабрикатов и несколько комплектов одежды. Я посмотрел на всё это с некоторым удивлением.

— После разморозки ваших банковских счетов у вас осталось немного денег, — продолжила разговор Стоун. — Как ваш официальный представитель, я взяла на себя оформление новых карт вашего банка.

Она протянула мне небольшой конверт.

— Здесь карты и документы.

— Спасибо.

— Сильно не радуйтесь. Сумма на счёте пока очень маленькая. Но, думаю, до получения компенсации вы дотянете.

Я убрал конверт в карман.

— Надеюсь.

Стоун серьёзно посмотрела на меня.

— И ещё одна просьба.

— Какая?

— Без лишних трат.

Я усмехнулся.

— Например?

— Например, на алкоголь.

Я ничего не ответил.

— Цены тоже изменились за время вашего заключения, — добавила она. — Так что советую сначала разобраться, сколько сейчас стоит обычная жизнь.

После отъезда Стоун я решил немного познакомиться с изменениями, которые произошли за последние четыре года. Для начала включил ноутбук и начал просматривать всё подряд. Новости, статьи, сайты, о которых раньше даже не слышал.

Нашёл несколько материалов по своему делу. В основном старые статьи, которые уже читал в тюрьме. В одной из них мелькнула небольшая заметка о моём соседе.

Оказывается, того самого ублюдка, который во время моего ареста попал мне в голову бутылкой, тоже арестовали. Я невольно усмехнулся. Почему-то от этой новости мне стало немного легче. Хотя бы кто-то получил по заслугам. Потом я решил посмотреть, что стало с баром Ллойда.

Бар всё ещё работал. А сам Ллойд, судя по информации на сайте, всё ещё стоял за стойкой. Я задержался на странице немного дольше, чем собирался. Посмотрел фотографии. Четыре года. А там, похоже, ничего не изменилось. После этого я вспомнил о газетной вырезке, которую нашёл среди вещей Кристи.

Эллиот Хейл.

Я ввёл его имя в поисковик. Информации оказалось, мягко говоря, немного. Хейл исчез в Бруклине в конце весны 2004 года. Последний раз его видели в нескольких кварталах от бара

Ллойда. Я нахмурился. Почему опять всплыл этот бар? Я открыл ещё несколько страниц, но ничего нового не нашёл.

На одном из сайтов наконец нашлась старая служебная фотография, сделанная ещё в конце девяностых. Страница загружалась медленно. Я решил сделать себе кофе. На кухне включил кофеварку, подождал несколько минут и вернулся в комнату. На экране уже загрузилось фото. Я замер.

Чашка выскользнула из руки и разбилась об пол. Я смотрел на экран. Это был тот адвокат из суда. Но вспомнился сейчас совсем не зал заседаний. Узкое лицо. Длинные каштановые волосы, зачёсанные назад.

Ровный загар.

Тёмные, почти чёрные глаза. Улыбка, больше похожая на оскал. Прямой нос. Подбородок с небольшой ямочкой. Я смотрел на фотографию, пытаюсь вспомнить, что ещё связывало меня с ним.

Только странное ощущение, будто где-то внутри меня открылась дверь, за которой я боялся оказаться. А потом что-то шевельнулось в голове. Темнота. Я стою перед этим человеком. Только нос у него уже не такой прямой, как на фото. На лице кровь. И всё.

Воспоминание исчезло так же быстро, как появилось. Я отшатнулся от ноутбука. Сердце колотилось. Я посмотрел на фотографию ещё раз. Эллиот Хейл.

— Это я что-то с тобой сделал?..

Я ещё немного рассматривал фотографию Хейла, затем поискал сведения о нём на других сайтах. Ничего. Это было странно.

Я нашёл информацию даже про своего соседа, который попал мне в голову бутылкой во время ареста. Нашёл статьи о своём деле, старые новости о Ллойде. А про Хейла — почти ничего. Просто сухое сообщение о пропаже. Ни подробностей расследования.

Ни найденного тела. Ни подозреваемых. Ни даже нормального объяснения, куда он исчез. Будто человек, про которого не было никакой информации просто вышел из дома и растворился в воздухе. Я ещё раз посмотрел на фотографию. Потом решил испытать удачу и вбил в поисковик другое имя. Джеймс Хайт.

Я откинулся на спинку дивана, дожидаясь результатов, и открыл первую ссылку. На экране появилась фотография молодого мужчины в форме. Невысокого, шуплого. Я узнал его мгновенно.

Джеймс Хайт.

Тот самый охранник из тюрьмы. Я начал читать. Потом перечитал ещё раз. И ещё. В какой-то момент мне снова стало холодно. Не так, как в моих кошмарах. По-настоящему. Я медленно убрал руки от клавиатуры.

— Этого не может быть...

Джеймс Нолан Хайт, 32 года. Сотрудник исправительной системы города Нью-Йорк. Погиб в результате разборок между членами латиноамериканской и неонацистской группировок на острове Райкерс в апреле 2008 года.

Глава 6

Рисунок Сары

Я сидел, закрыв глаза, и обдумывал всё, что узнал за последнее время. Хайт. Эрни. Хейл...

Что за чертовщина происходит с моей жизнью? Неужели я и правда схожу с ума? Нужно было всё разложить по полочкам. Размышляя, я не заметил, как уснул. Во сне снова вспышка. Лицо Хейла в крови. Резкая смена картины. Сочувствующее лицо Эрни.

— Мистер М, вам уже хватит.

Снова вспышка.

Малыш Джимми, который, как мне сказали, ушёл на другое место работы за неделю до нападения на меня, идёт ко мне с безумной улыбкой. А затем чей-то знакомый голос:

— Давай поиграем.

Я резко открыл глаза, задыхаясь, будто выплыл из очень глубокого бассейна. За окном была ночь. На экране ноутбука была открыта статья о душевных заболеваниях. Я не помнил, что открывал её. Что же происходит? В ту ночь я больше так и не заснул.

Я сидел перед экраном и пытался посмотреть какую-то комедию, но сосредоточиться на ней не получалось. Перед глазами постоянно всплывали лица, события и обрывки воспоминаний.

Я прокручивал в голове всё произошедшее — начиная со смерти Джин и заканчивая событиями последних дней. Эрни. Хейл. Хайт. И то, что я видел в доме в ту ночь. В раздумьях я даже не заметил, как за окном начало светать. И тогда я решился.

Нужно войти в детскую. Вернуться в то страшное место. Может быть, там мне удастся вспомнить хоть что-нибудь.

Медленно поднимаясь на второй этаж, я чувствовал, как тает моя решимость. С каждым шагом страх становился сильнее.

Я пытался бороться с трусливой частью себя, но она упорно шептала: развернись и уходи. Ещё несколько шагов. Я остановился перед закрытой дверью. На секунду замер.

А затем, даже не успев толком подумать о том, что делаю, со всей силы ударил ногой. Дверь с громким стуком распахнулась. На какую-то сотую долю секунды перед глазами возникла огромная лужа крови. Я даже не успел испугаться. Картинка исчезла. Я стоял в дверях детской.

Комната была почти пустой. Несколько старых коробок. И детские рисунки, приклеенные к оконному стеклу. Аккуратно я вошёл в комнату и огляделся. Нахлынули воспоминания о племяннице. Она была такой бойкой, шумной и полной жизни... А теперь её нет. Никого нет.

Остался лишь я.

Я подошёл к коробкам и открыл ту, что стояла сверху. Фотографии в рамках, куклы. Следующая. Плюшевые игрушки. Ещё одна. Пижамки, постельное бельё, резинки для волос. Я перебирал всё это, одну коробку за другой, но ничего не находил. Ни одной зацепки.

Ни одной детали, которая могла бы хоть что-нибудь напомнить мне о той ночи. Моя память словно намеренно издевалась надо мной.

Уже сдавшись, я повернулся, чтобы уйти, но тут на глаза снова попались рисунки на окне. Я подошёл и стал рассматривать незатейливые каракули пятилетней девочки. Внутри стало тепло.

Я смотрел на буквы над человечками: некоторые Сара написала задом наперёд. И вдруг меня тряхнуло. Тепло внутри сменилось ужасом.

На последнем рисунке были изображены Сара, Крис, я и какая-то безликая чёрная фигура, державшая руку у меня на плече. Я перевернул рисунок. На обратной стороне была выведена кривоватым детским почерком надпись:

«Когда дядя Шон вернётся, мы все сможем поиграть». Я помнил этот рисунок. Я даже помогал Саре его рисовать, пока ждал такси. Но тогда не было ни этой надписи, ни чёрной фигуры рядом со мной. Я стоял и просто смотрел на рисунок.

Вдруг у меня мелькнула мысль:

А что, если я ошибаюсь? Я снова посмотрел на чёрную фигуру. Возможно, она была там всегда. Но если я забыл даже это... Что ещё я мог забыть? Я перевёл взгляд на надпись. «Когда дядя Шон вернётся, мы все сможем поиграть». Я нахмурился.

Почему-то именно эта фраза не давала мне покоя. Я был уверен, что никогда раньше её не видел.

Но разве можно быть уверенным в собственной памяти, если ты не помнишь большую часть самой страшной ночи своей жизни? Я снова посмотрел на рисунок. У чёрной фигуры не было лица.

Но пальцы на моём плече были прорисованы настолько чётко, будто Сара очень старалась показать их. Пять длинных пальцев. На моём плече.

Убрав рисунок Сары в задний карман, я спустился в гостиную и снова сел за ноутбук.

В голове крутилась какая-то мысль. Я чувствовал её совсем рядом, но никак не мог ухватить.

Я закрыл страницу с описанием душевных болезней и несколько минут смотрел в пустую строку поиска. Потом снова набрал:

Джеймс Нолан Хайт. Появилась статья, которую я уже читал. Нет. Не то. Я открыл несколько других страниц. Потом ещё несколько.

Одни и те же факты. Одна и та же фотография. Одна и та же история о смерти Хайта. Ничего нового. Но я продолжал искать. Сам не понимал, зачем.

Наверное, потому что Хайт действительно существовал и с ним было связано что-то ещё, помимо нападения на меня. Я несколько часов перебирал старые заметки о Хайте. Глаза начали болеть. Я уже собирался закрыть ноутбук, когда нашёл упоминание знакомой фамилии в связи с чьей-то смертью.

Я открыл страницу.

Март 2004 года

Несколько строк. И имя. Мария Элизабет Хайт, 27 лет. Я ненадолго замер. Потом продолжил читать.

Мария была найдена мёртвой в комнате мотеля в Бруклине. Владельцы попросили не указывать адрес и название мотеля в репортаже.

На теле обнаружили множественные переломы костей рук и ног, а также глубокую резаную рану на горле. Следов взлома не было. Полиция пока не установила подозреваемого. У погибшей остались родители и старший брат. Я перечитал последние строки ещё раз.

Старший брат.

Мои пальцы сами потянулись к клавиатуре. Я открыл новую вкладку и ввёл:

Мария Элизабет Хайт. Потом добавил:

брат.

Результатов было немного. Но один из них заставил меня остановиться. Я открыл страницу. На экране появилась фотография молодого мужчины. Та же фамилия. Те же глаза. Джеймс Нолан Хайт. Всё же её брат. Я откинулся на спинку стула. Несколько секунд просто смотрел на экран.

Я знал его только по тюрьме. Почему же мне казалось, что за этим именем скрывается что-то ещё? Я закрыл глаза. Передо мной снова мелькнула прачечная. Удар. Боль. Его лицо. Эти глаза. И голос:

— Закончим нашу игру в следующий раз.

Я резко открыл глаза. На экране всё ещё была фотография Хайта. Я смотрел на неё и впервые подумал:

А что, если я знал его до тюрьмы? Я снова перечитал статью.

Мария была убита точно так же, как моя сестра. За одним исключением: глаза были на месте. Никаких монет. Голова начала раскалываться от тщетных попыток вспомнить хоть что-то. Я вскочил. Всё. Нужно передохнуть.

Если не притормозить прямо сейчас, тогда меня точно ждёт психушка. А менять одну камеру на другую мне совсем не хотелось. Переодевшись, я вышел из дома. Оглядел улицу. Неподальку играли дети. Через дорогу стояла небольшая компания из нескольких человек.

Увидев меня, они на полуслове прервали разговор. Я помахал им рукой. Никто не ответил.

— Вы гляньте, — сказал седой мужчина. — Убийца вернулся.

Его собеседники согласно кивнули.

А потом принялись обсуждать меня во весь голос, словно специально хотели, чтобы я не пропустил ни одного слова.

— А я надеялся, что он сдохнет в тюрьме.

— Звоните копам. Этот выродок сбежал.

— Теперь опасно из дома выходить. Зарежет и глазом не моргнёт.

Я продолжал стоять посреди улицы. Когда-то эти люди просто жили рядом со мной. Теперь для них я был человеком, который убил собственную сестру и маленькую племянницу. Я снова помахал им рукой. На этот раз — скорее из упрямства. И пошёл дальше.

Чувствуя ненавидящие взгляды за спиной, я ускорил шаг.

Что толку объяснять малознакомым людям, что не я убил свою семью? Они для себя всё решили...

Я не знаю, сколько прошёл, погрузившись в себя. Вдруг в желудке громко заурчало. Я огляделся по сторонам. Неподальку нашлась небольшая закусочная. Я вошёл и устроился на красном диванчике у окна.

Здесь было тепло.

Пахло жареным мясом, кофе и чем-то сладким. Из кухни доносился звон посуды и шипение масла. Через минуту ко мне подошла бойкая официантка лет девятнадцати.

— Что вам принести?

— Просто чёрный кофе и стейк с картофелем.

— Минуточку.

Она записала заказ и убежала на кухню. Я откинулся на спинку дивана. Наконец-то тишина. Хотя бы здесь никто не смотрел на меня как на убийцу. Я посмотрел в окно.

Мимо проходили люди. Машины останавливались у перекрёстка, снова трогались. Кто-то смеялся, кто-то разговаривал по телефону. Обычный день. Я сидел и смотрел на улицу. Здесь никто не знал меня, и я расслабился окончательно, с момента выхода из дома я перестал ждать оскорблений и обвинений в свой адрес.

Пришла официантка с моим заказом, поставила поднос и убежала по своим делам. Напряжение потихоньку спадало. Горячий кофе оказался на удивление крепким, а стейк был хорошо прожарен. Я и забыл вкус нормальной еды.

Тюремная баланда и полуфабрикаты просто поддерживали жизнь. Здесь же я впервые за несколько лет действительно наслаждался едой. Отрезал кусок мяса, отправил в рот и на

несколько секунд закрыл глаза. Неплохо. Очень даже неплохо. Мелькнула шальная мысль. Хорошо бы добавить к ужину стаканчик виски. Я резко распахнул глаза.

Виски.

Странно.

Я ведь почти забыл, каково это — хотеть выпить. За годы после ареста слишком хорошо понял, сколько алкоголь у меня отнял. Жену — под колёсами пьяного водителя. Работу и дом — уже по моей вине. Последний вечер с Сарой и Крис. В голове неожиданно всплыло воспоминание.

Тяжёлый стеклянный стакан с янтарной жидкостью. Бутылка на стойке. Тёплый свет. И голос:

— Последний стаканчик?

Я резко потрянул головой. Воспоминание исчезло. Но неприятное чувство осталось. Я посмотрел на свои руки. Почему-то они слегка дрожали.

— Нет, — тихо сказал я сам себе. — Мне это больше не нужно.

И снова взял вилку. Но аппетит уже пропал. За окном люди спешили домой. Я завидовал им, даже тому, что дома их могли ждать неприятности. Посмотрел на тарелку, заставил себя отрезать ещё кусок.

И тут заметил кое-что. На краю стола лежала монета. Я застыл с вилкой в руке. Один доллар. Я смотрел на неё. Потом оглянулся. Никто за соседними столиками даже не смотрел в мою сторону. Я осторожно протянул руку и взял монету.

Холодный металл коснулся пальцев. Перед глазами вспыхнули знакомое лицо, кровь, мой кулак. Тёмный переулок.

В тот момент я ещё не знал, почему обычный доллар заставил меня вспомнить кровь. Но я уже начинал понимать одну вещь. Моя память медленно возвращалась. И мне совершенно не нравилось то, что она собиралась мне показать.

Глава 7

Монета

Я вышел из закуской и медленно пошёл домой. От хорошего настроения не осталось и следа. С каждым шагом в голове сменялись обрывки воспоминаний. Кровь. Мой кулак. Тёмный переулок. Что именно я увидел?

Кого я бил?

Почему?

И самое главное — когда это произошло? Я шёл домой, пытаюсь удержать увиденное. Чем сильнее напрягался, тем быстрее распадалось воспоминание.

Я свернул за угол. Навстречу прошла женщина с ребёнком. Мальчик держал её за руку и что-то возбуждённо рассказывал. Я невольно посмотрел на него. Примерно такого же возраста, как Сара. Я отвёл взгляд.

— Чёрт...

Хотелось скорее добраться до дома. Закрыть дверь. Сесть. И хотя бы несколько часов ни о чём не думать. Добравшись до дома, я собирался принять душ. Выложил документы, телефон и бумажник — и начал выворачивать карманы в поисках долларовой монеты.

Её не было.

Я снова проверил карманы и бумажник, вытряхнул куртку. Ничего. Может, оставил монету на столе или выронил по дороге? Я помнил холод металла и вспышку видения слишком отчётливо, чтобы спокойно махнуть рукой.

Я пошёл в ванную. Но возле двери остановился.

Перед глазами снова мелькнул тот переулок. Кровь. Мой кулак. Чужое тело на земле. Я нахмурился.

Я посмотрел на правую руку. Медленно сжал кулак. От этого движения снова вспомнился переулок: моя рука, кровь, человек на земле. На этот раз картинка продержалась дольше.

Хотелось принять душ и просто лечь спать на старый, продавленный, но такой родной диван. Я вошёл в ванную, разделся, включил воду и наконец-то встал под тёплые струи, на секунду закрыл глаза. Яркая вспышка. Я пришёл в себя, уткнувшись лицом в кафель.

— Только не снова... — простонал я, медленно поднимаясь.

Выключив воду и замотавшись в полотенце, я, не теряя ни минуты, кинулся в прихожую за телефоном. Номер Стоун был единственным сохранённым контактом. Я нажал вызов.

— Стоун, — раздался голос в динамике.

— Мисс Стоун, это Шон. Простите за поздний звонок. Мне нужно узнать... что у меня со страховкой? Мне нужна медицинская помощь.

— Одну минуту.

Послышались щелчки клавиатуры.

— Страховку мы оформили перед вашим освобождением, она действует. Если вам плохо, езжайте в больницу. Кстати, я получила выписку, которую запрашивала для документов по компенсации. Недавно на ваш счёт поступила крупная сумма.

— Подождите, — сказал я. — Ещё же не было суда по поводу компенсации. Неужели вы разобрались со всем без моего участия?

— Нет, мистер МакКартман. Эта сумма была внесена на ваш счёт через кассу банка наличными.

Я нахмурился.

— Наличными?

— Да.

В трубке было слышно только дыхание.

— Тогда кто их внёс?

— В выписке, которую мне прислали, только сумма и отметка о внесении наличных. Данных человека, внёсшего деньги, там нет. Это точно не компенсация.

— Вы же сможете выяснить, кто внёс эти деньги? — спросил я.

— Я постараюсь. Но не могу ничего обещать.

Я молчал, пытаясь уложить в голове происходящее.

— Мисс Стоун, последний вопрос. Какова сумма на счёте?

— Четыреста тысяч долларов. Вместе с прежним остатком — четыреста одна тысяча семьсот.

Я не сразу понял, что она сказала.

— Сколько?

— Четыреста одна тысяча семьсот долларов.

Я сел на край дивана. Четыреста тысяч. Я посмотрел на телефон, словно Стоун могла каким-то образом ошибиться. Четыре года назад у меня не осталось практически ничего. Ни работы. Ни квартиры. Ни семьи. Ни денег.

Теперь на моём счёте лежало четыреста тысяч долларов, и я понятия не имел, откуда они взялись. Я ещё раз попросил Стоун проверить отправителя. Она обещала попробовать, но сначала велела заняться здоровьем.

Закончив разговор, я не торопясь оделся, всё ещё не оправившись от потрясения, и вызвал такси до Jacobi Medical Center.

Я приехал в приёмное отделение Jacobi, рассчитывая получить лекарства и вернуться домой. Всё вышло немного иначе.

Я рассказал врачу о кошмарах, видениях и падении в душе. Он назначил обследование и попросил дождаться консультации психиатра. Пришлось сдать анализы и пройти обследование головного мозга. Отпускать меня сразу не стали.

Мы договорились, что ночь я проведу под наблюдением. Врач хотел убедиться, что обмороки не повторятся и я могу безопасно вернуться домой.

В карте появилась сухая надпись: «Тяжёлое эмоциональное истощение, выраженная тревога». Мне дали лекарство, потом сделали укол с седативным препаратом и оставили отдыхать.

Я смотрел в потолок палаты и чувствовал, как мысли постепенно замедляются, становясь всё более вязкими. Веки становились тяжелее. Я уже почти ничего не видел. Только белый туман.

Я пришёл в себя постепенно.

Сначала почувствовал свет, бивший сквозь закрытые веки. Потом — сухость во рту и неприятную тяжесть во всём теле. Я открыл глаза. Несколько секунд просто смотрел на белый потолок, не понимая, где нахожусь. Попробовал пошевелить рукой. Получилось не сразу. Я всё ещё чувствовал действие укола.

Повернув голову, я увидел в дверях медсестру с добродушной улыбкой.

— Уже проснулись? Как себя чувствуете? — спросила она.

— Тяжёлым, — ответил я.

Она улыбнулась.

— Это нормально. После седативного ещё какое-то время будете чувствовать себя разбитым.

— Я уже могу уйти?

— Пока нет. Доктор зайдёт примерно через час. Если всё будет нормально, вас отпустят.

— Хорошо. Спасибо.

— Отдыхайте.

Она вышла, а я снова откинулся на подушку. Всё, что произошло вчера, казалось далёким и каким-то ненастоящим. Я закрыл глаза.

— Надо же... четыреста тысяч долларов, — вслух сказал я.

Глаза открылись сами собой. Я резко сел на кровати и тут же пожалел об этом. Комната поплыла перед глазами. Кое-как дотянувшись до тумбочки, я схватил телефон. Банк. Мне срочно нужно было убедиться, что вчерашний разговор со Стоун мне не приснился.

Я отправил СМС-запрос со словом «баланс». Вскоре пришёл ответ: 401 700 долларов. Четыреста одна тысяча семьсот. Я перечитал сообщение, затем ещё раз проверил цифры.

Сумма не изменилась. Я провёл ладонью по лицу. Деньги были настоящими. Оставалось дожидаться врача.

— Сегодня вы выглядите значительно лучше, — сказал он, входя в палату. — Ночью что-нибудь беспокоило?

— Нет, док. Никаких кошмаров или видений, — ответил я, и не соврал. — Чувствую себя на все сто. Можете меня сегодня отпустить?

Врач посмотрел записи ночной смены, затем спросил о сне и головокружении.

— Вчера вы были в несколько другом состоянии.

— Вчера был другой день, док.

Он слегка улыбнулся.

— Это верно. Давление нормальное, состояние стабильное. Если вы действительно чувствуете себя хорошо, причин держать вас здесь дольше нет.

— Вот и отлично.

— Но постарайтесь сегодня ничего не делать. Вам нужен отдых.

— Обещаю.

Я посмотрел на него и усмехнулся.

— Клянусь, если мне станет хуже, я сразу приеду обратно.

— Надеюсь, не придётся, — ответил врач. — Я оформлю выписку и выпишу рецепт.

К двенадцати часам я уже вышел из больницы, чувствуя себя действительно неплохо. В голове всё ещё оставалась лёгкая тяжесть. Укол не решил моих проблем, но я хотя бы выпался. Деньги на счёте мне не приснились. Откуда они взялись, ещё предстояло узнать. Я разберусь с этим позже. Сейчас пора было начинать действовать.

Я заскочил в аптеку и купил ксанакс по рецепту, после чего вызвал такси. Машина подъехала, я забрался на заднее сиденье и назвал водителю адрес.

— А-а, старое место? — спросил водитель, сверившись с навигатором.

— Довольно старое.

Машина тронулась. Я откинулся на спинку сиденья и посмотрел в окно. Город постепенно проплывал мимо меня. Странное дело.

Ещё вчера я думал только о том, как бы дожить до утра и не сойти с ума. Сегодня у меня была свобода и возможность наконец-то задавать вопросы. Я посмотрел на дорогу. Начать стоило с Ллойда. Он существовал. Бар существовал.

И, судя по статьям и сайту, работал до сих пор. Значит, ещё хоть одна часть моей истории была настоящей. Под действием таблеток поездка прошла незаметно.

Глава 8

Бар Ллойда

И вот, четыре года спустя, я снова здесь — перед тем самым баром, который когда-то любил. Прежде чем зайти, я немного осмотрелся. И тут заметил его. Переулок из моих видений.

Я смотрел на него, пытаюсь понять, почему именно это место всплывает в моей памяти раз за разом. Заходить внутрь и искать какие-то зацепки я не стал. Прошло слишком много времени. Было бы глупо надеяться, что там можно найти что-то полезное.

Глубоко вдохнув, я открыл дверь — и словно оказался в прошлом. Фотографии на сайте не ввали. За четыре года здесь ничего не изменилось. Тот же мягкий свет. Тот же запах дерева, полироля и чего-то копчёного.

Старый бильярдный стол всё так же стоял в углу, а за длинной барной стойкой поблёскивали бутылки. Я медленно сделал несколько шагов внутрь. Когда-то мне казалось, что я знаю здесь каждый сантиметр. Вот за тем столиком мы с Джин впервые нормально поговорили.

Вот здесь она смеялась, когда я пытался показать себя крутым игроком в бильярд. А возле стойки я сделал ей предложение. Прекрасный принц, вашу мать.

Она тогда смотрела на меня несколько секунд, будто не могла поверить, что я действительно это сказал. А потом рассмеялась и обняла меня. Я невольно улыбнулся. Столько лет прошло, и именно это память сохранила до мелочей. Здесь мы отмечали годовщины.

Здесь встречались с друзьями.

Здесь просто сидели вечерами, когда нам больше ничего не нужно было от этого мира. А потом Джин не стало. И всё изменилось. Но моя жизнь продолжалась в этом баре. Я посмотрел на барную стойку. Именно здесь я видел Эрни. По крайней мере, так мне казалось.

Теперь я уже не был уверен ни в чём. Я провёл ладонью по краю ближайшего стола и тяжело вздохнул. Четыре года назад я пришёл сюда, чтобы выпить последнюю бутылку. А теперь вернулся, чтобы понять, что на самом деле произошло той ночью.

Я прошёл к середине стойки и уселся на высокий стул. Согнутая фигура за барной стойкой сказала:

— Подождите, я сейчас вами займусь.

Знакомый хриплый голос Ллойда.

— Давай живее, старик, а то ад замёрзнет, — тихо сказал я.

Фигура за стойкой дёрнулась. Старик выпрямился и повернулся ко мне. Начал что-то говорить, но оборвал себя.

— Здравствуй, Ллойд.

Он не ответил.

Просто продолжал смотреть.

— Шон?..

— Да. Это я.

Ллойд сглотнул.

— Но как?.. Тебе же дали пожизненное.

Я горько усмехнулся.

— Они поняли, что были не совсем правы. Жаль только, что для этого им понадобилось четыре года.

Старик ещё молчал. Потом нервно потёр ладонью шею.

— Чёрт...

Он снова посмотрел на меня, будто пытался убедиться, что я настоящий.

— Я ведь думал, что больше тебя никогда не увижу.

— К счастью, ты ошибался.

Ллойд хлопнул себя ладонью по лбу.

— Что же это я?

Он протянул костлявую, морщинистую руку.

— Шон МакКартман. Рад тебя видеть. Если, конечно, ты не сбежал.

— Нет, старик, меня действительно выпустили. Ну, чего стоишь? Налей чего-нибудь.

Ллойд наконец улыбнулся.

— Вот теперь узнаю тебя.

Он достал стакан и потянулся за бутылкой Maker's Mark.

— Только не это.

Ллойд удивлённо посмотрел на меня.

— Четыре года много чего меняют.

Он задержал руку над бутылкой.

— Неужели завязал?

— Представь себе.

Ллойд медленно убрал руку обратно.

— Тогда что тебе налить?

— Кофе.

Ллойд посмотрел на меня так, будто я только что заявил, что стал монахом.

— Кофе?

— Да, старик. Кофе.

— Ладно.

Он поставил передо мной чашку и налил свежий кофе. Я сделал глоток. Ллойд облокотился на стойку. Я поставил чашку и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.